

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра русского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

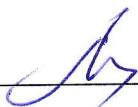
На тему: **Функционально-семантическая характеристика значений
творительного падежа имени существительных.**

Исполнитель Мадраимова Саодат Базарбаевна
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель кандидат филологических наук, доцент
(ученая степень, ученое звание)
Юсупова Дильбар Джумаевна
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующая кафедрой

(подпись)

кандидат педагогических наук, доцент
(ученая степень, ученое звание)
Кипнес Людмила Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

«18» сентября 2019 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2019

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1 ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА	7
1.1. История развития теории падежей	7
1.2. Содержательно-функциональный аспект категории падежа имени существительного История развития теории падежей	14
1.3. Реализация грамматических категориальных значений в падежной форме имени существительного	19
1.4. Значение падежа и лексические пределы его действия	26
ГЛАВА 2 ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАДЕЖА	38
2.1. Семантика творительного падежа в русском языке	38
2.2 Способы передачи падежных значений	41
2.3. Неадварибиальные значения творительного падежа	44
2.4 Адвербиальные употребления творительного падежа	46
2.5. Приименные употребления	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	59
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	Ошибка! Закладка не определена.

ВВЕДЕНИЕ

Современный период в развитии языкознания характеризуется усилением научного интереса к семантической стороне языка. В лингвистических исследованиях на первое место выдвигаются проблемы семантики и синтаксиса, в сфере которых находят отражение наиболее общие, универсальные закономерности языка

Определение языка как специфически организованной системы с присущим ей свойством объективировать на каждом своем уровне разную степень обобщения в сознании людей предметной действительности вызывает необходимость в исследовании той или иной микросистемы выявлять семантическую значимость языкового знака.

В частности, одной из актуальных задач является исследование категории падежа имени существительного как микроструктуры языка, выполняющей наряду с грамматическими категориями глагола не только функции формальной организации предложения, но и разграничения элементарных структур.

Актуальность исследования функций падежей в структуре предложения объясняется тем, что их категориальная семантика, опирающаяся на лексическую семантику, определяется параметрами синтагматической связи, изучение которой важно для углубленного познания синтаксической организации языка. "Именно в речи, реализованной в предложениях, - отмечает Э. Бенвенист, - формируется и оформляется язык" именно на семантико-синтаксическом уровне выявляются категориально значимые связи имени существительного с глаголом и, другими словами, кристаллизуется характер отношений, в которые включаются падежи.

Категория падежа и ее реализации - падежные словоформы - как микроструктура языка, выполняющая функции построения синтаксических конструкций и их распространения, а также закрепления определенной синтаксической семантики за структурной схемой предложения, до

настоящего времени не была предметом специального изучения, хотя необходимость рассмотрения падежей в их отношении к категориям семантической структуры предложения так или иначе подчеркивалась в отечественном языкознании.

Мировая наука за последние десятилетия претерпела значительные изменения. Во многих отраслях научного знания происходит переориентация на предмет, который осуществляет эти операции. Растет интерес и к самому процессу познания.

Эти изменения не могли не сказаться на лингвистике, объект которой - язык-тесно связан с сознанием и мышлением. Возникло новое направление – когнитивная лингвистика, которая рассматривает язык, исследования проблемы взаимоотношения языка и сознания, роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта.

Наряду с научной, философской, принято говорить о языковой, национально-языковой, культурной и языковой картине мира. Внимание исследователей привлекает не только форма знака, значение, значимое, но и содержание, означаемое, обозначение-значение, которое заложено в знак.

В этой связи особое внимание следует уделить соотношению языковых категорий, в том числе грамматических, и категорий мышления, в том числе понятийных категорий.

Основной **целью** данной работы является определение особенностей выражения категории падежа как неотъемлемой части грамматической составляющей языка, выявление универсальных и специфических особенностей.

В отечественной лингвистике интерес к изучению категории падежа активизировался в связи с обращением науки к теории коммуникации.

Категорией падежа называется одна из категорий семантики высказывания, функция которой – актуализация и детерминизация имени,

демонстрация его единственности в описываемой ситуации либо его отношение к классу подобных феноменов [39:349].

Мы рассматриваем категорию падежа как лингвистическую семантическую универсалию, то есть как категорию, так или иначе проявляющуюся в языках мира. При этом ее семантическое наполнение в конкретных языках индивидуально.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**:

- создание единого терминологического реестра;
- рассмотрение в сравнительном аспекте отдельных грамматических категорий существительных (в частности, категории падежа) и определение дополнительных языковых ресурсов в областях различий;

Основная цель и задачи исследования определили структуру исследования. Работа состоит из введения, двух глав и заключения.

Объектом исследования в данной работе является Категория падежа.

Предметом исследования является выражение функционально-семантического потенциала падежей имени существительного.

Основным методом исследования в настоящей работе является описательный, который предусматривает рассмотрение объекта в единстве формы и содержания. Для выполнения этих задач в дипломной работе применен семантико-функциональный **метод**, анализ, сопоставление.

В качестве исследовательского материала использовались современные публицистические и научные тексты.

Научная новизна исследования представлена в том, что в работе сравнивается и анализируется категория падежа в языке не только на формальном уровне, но также и в когнитивном аспекте.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что проведенный анализ представляет новое видение того, как базовая грамматическая категория реализуется в языковых единицах.

Практическая значимость исследования обозначается в том, что основные выводы и заключения могут быть использованы в обучении языку.

Также материала исследования могут быть использованы при составлении курсов по языкознанию и в исследованиях коммуникации.

Введение определяет общее направление работы, формулируются основные цели и задачи исследования, устанавливается научная новизна и практическая значимость работы.

Первая глава посвящена основам грамматики языка и проблемам существительных.

Центральной проблемой второй главы является всестороннее изучение функционально-семантического аспекта категории падежа в языке. В заключение обобщаются результаты исследования, формулируются основные выводы.

Фундамент исследования категории падежа и реализующих ее морфологических форм был заложен трудами выдающихся отечественных и зарубежных ученых А.Х. Востокова, А. А. Потебни, А.М. Пешковского, А.А. Шахматова, А.В. де Гроота, Э. Бенвениста, Е. Куриловича и др., идеи которых плодотворно развиваются в наши дни.

ГЛАВА 1 ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА

1.1. История развития теории падежей

Постепенно язык становится одним из основных объектов изучения и других наук: психологии, культурологии и т.д. Включение лингвистики в фокус внимания логиков и философов объясняется самой спецификой языка, его функционированием в качестве естественной основы человеческого мышления. В результате смены объектных приоритетов главной задачей философии, по наблюдению М.А. Кронгауза, стало решение семантических проблем, а значит, и рассмотрение различного рода семантических категорий.

В свою очередь, некоторые категории, в частности падеж, обязанные своим «рождением» логической науке, перешли в лингвистику. Античные традиции их определения восходят к Аристотелю. Следующий этап исследования категорий связан с учениями И. Канта, Г. Гегеля, а также М. Хайдеггера, П. Сартра и К. Ясперса. Впоследствии этим вопросом занимались логики Г. Фреге, Б. Рассел, а также многие лингвофилософы, среди которых Б.Л. Уорф, В. фон Гумбольдт, Дж. Лайонз, О. Есперсен, Э. Бенвенист и др. В русистике изучение категорий связано с именами В.В. Виноградова, А.А. Зализняка, А.В. Бондарко, Т.В. Булыгиной, С.А. Крылова, Н.Ю. Шведовой, В.А. Белоусовой и др.

Итак, категория падежа – это не только явная лексико-семантическая или грамматическая категория, но и скрытая, характерная для многих языков, что позволяет говорить о включении ее в состав языковых универсалий. Она, как и любая другая категория, имеет план выражения и план содержания. В плане выражения, правда, нет единства, и она представлена языковыми средствами, относящимися к разным языковым уровням и аспектам, т. е.

вполне может рассматриваться как «функционально -семантическая категория» [Гуревич В.В.].

В дискурсивных целях коммуникации для выражения различных языковых категорий (в частности, категории падежа) могут использоваться различные средства.

1. Дескриптивный способ.
2. Аргументативный способ. [28, С. 51].
3. Функцией аргументатива является построение объяснений, утверждений о мире в двойной перспективе демонстрации и убеждения.
4. Нарративный способ.
5. Коммуникативный способ тесно связан с категорией модализации и различными средствами выражения модальностей.

Падеж — грамматическая словоизменительная категория существительного, выражающая разные типы синтаксических отношений существительного к другому слову, к другим элементам синтаксической конструкции или к предложению в целом.

Термином «падеж» обозначается также любая из граммем категории падежа (например, «дательный падеж»: *столу, столам, стране, странам* и т.д.) и отдельная падежная форма имени (например: *стране* – дательный падеж существительного *страна*).

Синтаксические отношения, выражаемые падежом, обычно имеют семантическое, а иногда также и коммуникативное содержание. Однако есть случаи семантически вырожденных синтаксических отношений, когда падежу нельзя приписать какого-либо содержания и он выражает лишь сам факт синтаксической связи падежной формы с другим элементом (элементами) синтаксической структуры предложения.

Категория падежа у субстантивных и у адъективных слов устроена по-разному. Падеж адъективных слов – прилагательных, местоимений-прилагательных, порядковых числительных, причастий, а также падеж количественных числительных, кроме именительного и винительного

неодушевленного, – является согласуемым и зависит от падежа определяемого существительного.

Основным объектом описания в грамматической теории является падеж существительных (и других субстантивных слов – местоимений-существительных, количественных числительных в именительном и винительном падеже), который имеет сложную систему функций и значений. В отличие от других грамматических категорий, которые являются двучленными (*число (см.), вид (см.)*) или трехчленными (*лицо (см.), время (см.), наклонение (см.)*), падеж в русском языке является многочленной категорией и объединяет как минимум шесть противопоставленных рядов форм – *именительный (см.), родительный (см.), дательный (см.), винительный (см.)*, *творительный (см.), предложный (см.)*. Вопрос о наличии в русском языке партитива (родительного количественного) и локатива (местного падежа), за счет которых падежная парадигма стала бы восьмичленной, является дискуссионным.

Именительный падеж (см.) занимает особое место в падежной парадигме. Прежде всего, он используется в функции именования. Кроме того, в традиционной грамматике считается, что именительный падеж подлежащего не управляется глаголом-сказуемым, а находится с ним в особых синтаксических отношениях координации. На этом основано традиционное деление падежей на прямой (именительный) и косвенные (все остальные).

Падеж – это неоднородная (смешанная) семантико-синтаксическая категория: падежные формы в русском языке участвуют в выражении семантических, синтаксических и коммуникативных отношений. При этом падеж занимает уникальное положение среди других категорий. Падежу в целом трудно приписать не только общую, но даже главную синтаксическую функцию: для косвенных падежей главной можно признать функцию выражения зависимости существительного от другого слова (т.е.

подчинительную), но именительный падеж подлежащего синтаксически подчиненным обычно не считается (по крайней мере, в традиционной грамматике). Не удастся сформулировать и общего значения ни для падежа в целом, ни для каждого отдельного падежа (хотя такие попытки предпринимались, ср., например, [Якобсон 1985]). Поэтому в определениях падежа обычно прибегают к нейтральной формулировке «выражает отношение имени к...».

Сложность описания категории падежа связана с тем, что нет единого основания, на котором могла бы быть построена классификация падежей. В существующих описаниях падежных систем для характеристики падежей обычно используется несколько разных признаков. Например, в [Грамматика 1980(2)§§1727–1730] отношение падежной формы к другому слову или целой синтаксической конструкции описывается в терминах присловной и неprisловной связи (*поздравить с юбилеем* vs. *У отца юбилей*), сильной и слабой связи (*избрать депутата* vs. *дом отца*), невариативной и вариативной связи (*мечтать об отдыхе* vs. *беспокоиться о детях* / *беспокоиться за детей*)

Мы выделяем в предложении три типа употребления падежных форм – в зависимости от механизма включения падежной формы в предложение: управляемые, конструктивно обусловленные (сокращенно – конструктивные) и свободно присоединяемые (сокращенно – свободные).

Управляемые (словарные, лексически обусловленные) падежи

забивать гвоздь; любоваться картиной; руководство отделом; доволен результатом, мало времени.

Такие падежные распространители присоединяются к слову на основании его лексической (семантической) валентности и в этом смысле являются его словарной характеристикой – т.е. характеристикой слова как единицы словаря. Такие падежные формы можно назвать управляемыми, а также валентными или словарными. В академической грамматике 1980-го г.

они считаются присловными (см. [Грамматика 1980 (2):§§1720–1721], а также [Шведова 1978]) и относятся к управлению.

Конструктивно обусловленные падежи

Конструктивно обусловленные падежи не являются словарной характеристикой какого-либо слова, а употребляются в составе предложения – они появляются в процессе построения предложения как синтаксической структуры и входящих в него подструктур (отдельных синтаксических конструкций). Конструктивно обусловленные падежи употребляются:

- при определенной форме слова (в этом случае они обусловлены граммемой): *инфинитив* (см. Инфинитивные предложения) предполагает выражение субъекта дательным падежом (*мне дежурить*); *компаратив* (см. Сравнительная форма) предполагает выражение объекта сравнения родительным падежом (*выше **деревя***);
- в определенной синтаксической функции (позиции): подлежащее, сказуемое;
- в составе синтаксической конструкции: *переходная* (см. Переходность) (***Рабочие** строят дом*), *пассивная* (см. Залог) (*Дом строится **рабочими***); к конструкциям относятся также типы предложений, например, инфинитивное (***Вам** выходить*); *безличное* (***Ему** не спится*).

В академической грамматике 1980-го г. такие падежные формы квалифицируются как неприсловные и выделяются на уровне предложения.; «детерминант» – термин Н.Ю. Шведовой [Шведова 1964], [Шведова 1968]), принятый многими отечественными авторами. Детерминанты присоединяются ко всему предложению, вступая в отношения с его предикативным центром:

***Мальчиком** он увлекся шахматами; **Вечерами** все собирались в гостиной.* Для них типична начальная (левая) позиция в предложении и коммуникативная функция темы.

. Свободно присоединяемые падежи

Эти падежи не являются ни валентными, ни конструктивно обусловленными и присоединяются к слову как свободные распространители с обстоятельственным или атрибутивным значением:

деревня Манилова; изба в лесу; построить в этом году. Не являясь ни структурно, ни семантически необходимыми, они вводят в предложение дополнительную информацию. В академической грамматике 1980-го г. такой тип употребления падежных и предложно-падежных форм называется падежным примыканием

Наконец, падежные формы могут употребляться за пределами предложения: в качестве заголовка текста или вне текста (точнее, как самостоятельные тексты) – в вывесках, указателях и т.д.

Основными типами употребления падежей являются управляемые и конструктивные. Они являются строевыми элементами, несущими конструкции строя предложения. Свободные (атрибутивно-обстоятельственные) падежи являются падежными аналогами прилагательных и наречий. «Заголовочные» падежи вообще находятся за пределами предложения и составляют самую дальнюю периферию функционирования падежных форм.

Внутри каждой группы есть ядро (прототипические употребления) и периферия – зона сближения (или даже пересечения) с другими группами.

Падежные формы могут распространять слова всех знаменательных частей речи – глагол (*варить* суп), существительное (*изготовление* игрушек), прилагательное (*верный* слову), наречие (*назло* врагам), компаратив (см. Сравнительная степень) – форму сравнительной степени прилагательных и наречий на -о (*выше* дерева), числительное (*два* стола), предикатив (см.) (*слышно* музыку).

Падежная форма может зависеть от предлога. При этом обычно считается, что предлог и падежная форма составляют единое целое как в синтаксическом, так и в семантическом отношении (Е. Курилович предлагал

даже рассматривать грамматический показатель предложной группы (ср. *к стол-у*) как своего рода сложную морфему, состоящую из предлога и падежного окончания; правда, между предлогом и падежной формой обычно можно вставить прилагательное, см. [Курилович 1962]).

Во всяком случае, в семантической интерпретации падежа в предложной конструкции большую роль играет значение предлога, а также значение самого существительного, ср.: [*отойти*] *от края* – исходная точка; [*дрожать*] *от страха* – причина (интерпретация управляемой предложной группы, как и управляемой беспредложной, зависит прежде всего от семантики управляющего слова: *отказаться от путевки*).

Предложно-падежные формы имеют те же семантические и синтаксические свойства, что и беспредложные падежные формы. Они могут быть:

- лексически обусловленными, выражающими валентность предикатного слова:

стремиться к знаниям; встретиться с друзьями;

- конструктивно обусловленными:

брат с сестрой (комитативная конструкция); *любой из нас* (элективная конструкция), *каждый получил по конфете* (дистрибутивная конструкция);

- присоединяемыми ко всему предложению в качестве детерминанта:

К вечеру все собрались в гостиной; От шума болит голова;

- свободно присоединяемыми к слову:

соус к рыбе; ключи от подвала;

- изолированными (самостоятельным текстом – заголовком, вывеской, лозунгом):

О погоде; К стадиону.

Ниже будут рассматриваться, в основном, беспредложные падежи. Исключение составляет предложный падеж, который не имеет беспредложного употребления.

1.2. Содержательно-функциональный аспект категории падежа имени существительного

Хотя общепринятого списка типов валентностей предикатов и семантических ролей участников ситуаций нет, есть валентности (роли), которые выделяются многими исследователями и обнаруживаются у больших групп предикатов:

- *агенса* – субъект действия, затрачивающий собственную энергию на достижение цели: **Маляр** покрасил стену; **Спортсмен** прыгнул с трамплина;
- *эффектора* – стихийная сила, производящая воздействие и изменение: **Ветер** сорвал крышу; **Течение** унесло лодку; для этой роли характерна так наз. стихийная конструкция, когда эффектор выражается творительным падежом при безличном глаголе: Крышу сорвало **ветром**; Лодку унесло **течением**;
- *субъект-носитель свойства*: **металл** отличается хорошей проводимостью; сточные **воды** характеризуются высоким содержанием нефтепродуктов;
- *пациенса* – объект, претерпевающий изменения в ходе ситуации под воздействием агенса или какой-то неконтролируемой (а иногда и неназванной) силы:

Мальчик сломал **карандаш**; Ветер сорвал **крышу**; Мальчик бросил **мяч**; **Мяч** упал.

Участник, который не претерпевает изменений (не создается, не деформируется, не разрушается и т.д.), а только перемещается (*бросить мяч; передвинуть стул*), в типологических и синтаксических исследованиях,

прежде всего зарубежных (ср., например, [Talmy 2000]), иногда называется темой.

В русской лингвистической литературе этот термин не получил большого распространения – во-первых, потому, что в русском языке и тема имеют одинаковое падежное оформление, во-вторых, потому, что этот термин неудобен из-за совпадения с названием другой роли – «*тема сообщения*» – и с «темой» как элементом актуального членения предложения;

- *результат* (создаваемый объект) – еще одна роль, которая, как и пациенс, выражается винительным падежом, но семантически отличается от пациенса (ср., в частности, [Падучева 2004:43–44]): *вязать варежки*; *варить суп*.

Для именной группы с ролью результата характерен контекст бенефактива (*Связать варежки внуку*), но не посессора (*Связать варежки внука*), который допустим для пациенса, (ср.: *Порвать / выбросить / испачкать варежки внука*). Для ситуации создания характерен еще один участник – материал: *вязать варежки из шерсти*; *варить суп из овощей*;

- *инструмент* – участник ситуации, который используется агенсом для достижения цели: *рубить топором*, *красить кистью*, *шить на машинке*, *просеять через сито*; *рассмотреть в бинокль*; *стрелять из ружья*;

- *средство* – участник ситуации, который, в отличие от инструмента, в процессе использования агенсом расходуется или связывается: *красить стену краской*; *накрыть стол скатертью*;

- *реципиент* – получатель в ситуации передачи (результатом ситуации передачи является обладание, поэтому реципиента можно также называть динамическим посессором): *передать / подарить / завещать коллекцию внукам*;

- *адресат* – получатель информации (выраженной не только словесно, но также знаками или сигналами): *сообщить, пообещать, льстить, помахать, подмигнуть другу*;

- **бенефициант**, или **бенефактив**, – участник, интересы которого затрагивает ситуация и который получает пользу от нее: *помогать **брату**, содействовать **прогрессу***; соответственно, **малефактив** – участник, на котором ситуация отражается отрицательно: *мешать **бабушке**, мстить **врагу**, вредить **здоровью***;
- **экспериенцер** – субъект ощущения, восприятия, чувства, переживания: ***Пациенту** нездоровится; **Моряк** увидел землю; **Мальчик** испугался собаки*;
- **стимул** – объект или ситуация, которые воспринимает или на которые реагирует экспериенцер: ***Моряк** увидел **землю**; **Мальчик** испугался **шума***; стимул входит в более широкий класс каузаторов, его можно считать разновидностью причины, что особенно очевидно в случае, когда стимулом является ситуация: *радоваться **победе***;
- **посессор** – субъект обладания: ***Помещик** владеет землей; Земля принадлежит **помещику***;
- **тема сообщения и содержание**: *говорить **о поездке**, думать **про поездку***; иногда предложная группа «о + предл.п.» или «про + вин.п.» синкретично выражает тему и содержание, однако есть случаи, когда эти роли различаются: *Рассказывал **про** **Петю** [тема] **всякие глупости** [содержание]*;
- **контрагент** – один из участников «симметричного» (взаимного) действия: *дружить с **одноклассником**; обняться с **братом***; контрагентов усматривают также в ситуациях взаимодействия, не являющихся симметричными (взаимными) действиями, например, в [Апресян 2010:373] к контрагентам отнесена роль глагола *купить*: *купить дачу у **соседа***; действительно, в фазе взаимодействия продавец является контрагентом покупателя, с другой точки зрения он является посессором;
- **второй член отношения**: *равняться / соответствовать **чему**; превосходить **кого** / **что**; отличаться **от***

кого / чего (эта роль характерна для статических предикатов, среди которых много прилагательных: *равен **чему**; похож **на кого**; женат **на ком***);

- *место (локатив, эссив): водиться **в лесу**;*
- *исходная точка (элатив, аблатив, источник): выйти **из города**;*
- *конечная точка (латив, директив, цель): отправиться **в город**;*
- *траектория (маршрут, путь): идти **по лесу / вдоль берега / через пустырь**;*

- *время: начаться **в пять часов**;*
- *срок: арендовать **на месяц*** (срок, вообще говоря, является разновидностью времени, но в [Апресян 2010:376] эта роль выделяется как особая);

- *аспект: превосходить **по качеству**; отличаться **цветом**;*
- *цель: стремиться **к успеху**;*
- *мотивировка: наградить **за храбрость**.*

Как правило, такие участники ситуации, как место, время, цель, причина и т.п., являются сирконстантами, а выражающие их именные группы – обстоятельствами (ср.: разговаривать в коридоре – обстоятельство места; съездить в командировку в июне – обстоятельство времени; пригласить сотрудника для разговора – обстоятельство цели), но у некоторых предикатов, в силу их лексической семантики, место, время, цель и т.п. являются семантическими актантами.

Особое место как в списке актантов, так и в списке сирконстантов занимает причина. Смысл ‘причина’ очень важен для естественного языка и широко представлен как в лексических значениях с каузативным компонентом, так и в каузативных грамматических конструкциях. Значение причины выражается не только в разных типах обстоятельств (зашел ошибкой / по ошибке; опоздал из-за пробок; уехал в силу необходимости; отменили за ненужностью и т.д.), – есть целая группа семантических ролей, которые можно считать разновидностями причины (каузатора): агенс,

эффектор, стимул, мотивировка. Иногда в списках ролей фигурируют и сами термины «причина» (ср. [Апресян 1974]) и «каузатор» (ср. [Падучева 2004]).

Семантическим содержанием падежа можно было бы считать ту семантическую роль, которую выполняет соответствующий участник ситуации, – если бы падеж всегда выражал какую-то роль (желательно – одну и ту же). Однако в русском языке падеж не является прямым выражением семантической роли: во-первых, падежная форма может не иметь семантического содержания (ср. *закончить работу*); во-вторых, одна и та же падежная форма в разных случаях может иметь разное содержание (выражать разные роли, ср. *мальчик бежит* [агенс] и *мальчик боится* [экспериенцер]).

Можно говорить лишь о некотором соответствии между ролью актанта и его падежом: некоторые падежи «специализируются» на выражении определенных ролей, и наоборот, для некоторых ролей типичны определенные падежи: для агенса типичен именительный падеж, для пациенса – винительный падеж, для адресата, реципиента и бенефактива – дательный падеж, для инструмента и средства – творительный падеж.

Семантическая роль не всегда выражается наиболее типичным для нее падежом. Соответствие роль ↔ падеж может нарушаться под воздействием разных «возмущающих» факторов – семантических или синтаксических. Иногда роль участника осложняется дополнительными смыслами: *шить **нашей** машинке* – участник ситуации с ролью инструмента (машинка) получает падежное оформление, типичное для места, т.к. машинка – это, в отличие от обычных инструментов вроде молотка, ножниц, лопаты и под., неподвижный, неманипулируемый инструмент; *уговаривать **сестру** [что-то сделать]* – адресат выражается не дательным, а винительным падежом, т.к. является не просто получателем информации, но также объектом, состояние которого говорящий хочет изменить (ср. ситуацию более слабого воздействия *советовать **сестре***).

Другим источником нарушения соответствия между семантической ролью участника ситуации и ее типичным падежным выражением являются «вторичные» синтаксические конструкции, которые можно считать результатом преобразования некоторой исходной конструкции: например, в пассивной конструкции агент выражается не именительным, а творительным падежом, а пациент – именительным: *Стена покрашена маляром*; в инфинитивной конструкции агент выражается дательным падежом (с дополнительной модальной семантикой): *Маляру сегодня еще красить стену*.

1.3. Реализация грамматических категориальных значений в падежной форме имени существительного

Категория падежа выражает отношения существительного к другим словам в словосочетании или предложении. Эта категория является многочленной: в нее входят шесть падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, предложный. Каждый из шести падежей имеет определенную смысловую структуру, выражает определённые отношения между словами и выполняет свойственную ему синтаксическую функцию. Именительный падеж является независимым и называется прямым (исходным), остальные падежи — косвенные. Именительный падеж никогда не употребляется с предлогами, предложный — употребляется только с предлогами, остальные — как с предлогами, так и без них. Грамматическое значение падежных форм выражается окончаниями: аспирант — аспиранта, аспиранту, аспирантом, аспирантами; концерт — концерта, концерты, на концертах.

Наряду с окончаниями используются другие средства: а) предлоги, конкретизирующие падежные формы: стена — около стены — в стене — за стеной; дворец — в дворце — к дворцу — перед дворцом; б) чередования звуков: ухо — ушей ([x]/[ш]), крюк — крючьев ([к]/[ч]), любовь — любви ([o] /∅),

пень – пня ([e]/Ø); в) ударение: го́ры – горы ´, а ´ дреса – адреса´, о ´рдера – ордера ´, ре ´ ки – реки ´ и др. Основные значения и функции падежей– это выражаемый смысл, который реализуется во взаимосвязи конкретной словоформы с другими словами в предложении и словосочетании. Интерпретация падежного значения позволяет установить характер отношений, в которых находится данный предмет с другими объектами внеязыковой действительности, ср.: дом, дома, дому и построить дом, кирпичному дому, подойти к дому и т.д.

В современной лингвистической литературе наметилось два подхода к трактовке падежного значения. В основе первого лежит представление о собственном семантическом потенциале каждого падежа, в основе второго – положение о зависимости падежного значения от падежной формы, лексической семантики существительного и его синтаксической функции. В научной и учебной литературе более распространенным считается второй подход к определению значения падежа, в соответствии с которым выделяются грамматические (абстрактные) и семантические (конкретные) падежи. Грамматическими считаются именительный, родительный, дательный, винительный падежи, семантика которых определяется синтаксическим местом существительного, а не его лексическим значением: бояться смерти, нападения, соседа; надеяться на друга, на помощь, на сочувствие. К числу семантических относятся творительный и предложный падежи, значения которых определяются не синтаксической функцией существительного, а его лексической семантикой и падежными окончаниями.

Такого рода падежные значения могут определяться вне предложения: в машине, на берегу, за окном (значение места), в старости, в молодости, ночью (значение времени). Каждый из шести падежей в современном русском языке характеризуется присущими ему функциями и самостоятельными значениями, объединенными общей падежной формой существительного. Именительный падеж, или номинатив(лат. *nominativus*),

выполняет номинативную функцию, не выражает каких-либо отношений между словами, не может употребляться с предлогами. Центральным его значением является значение субъекта (лица или предмета, совершающего действие или подвергающегося какому-либо действию). Существительные в именительном падеже отвечают на вопросы кто? что? и в предложении выполняют функции подлежащего, именной части сказуемого и приложения: Музыка — это стенография чувств (Л.Толстой); Подвиг, как и талант, сокращает путь к цели (Л.Леонов); Женщина-космонавт С. Савицкая побывала в космосе дважды. Именительный падеж употребляется также в роли главного члена назывных предложений, в заглавиях, надписях, обращениях: Вечерний звон, вечерний звон! Как много дум наводит он о юных днях в краю родном (И. Козлов); Какая ночь! Я не могу. Не спится мне. Такая лунность (С. Есенин); Алые паруса (А. Грин); Лебедь, рак и щука (И. Крылов); Здравствуй, племя младое, незнакомое! (А. Пушкин); Родина! Отечество святое! Перелески. Рощи. Берега. Поле от пшеницы золотое. Голубые от луны стога (М. Пляцковский).

Родительный падеж, или генитив (лат. *genitivus*), выступает в предложении в роли дополнения, несогласованного определения, обстоятельства, именной части составного сказуемого (забот хватает, подарок друга, бегать у реки, роста он малого). Родительный падеж имеет большую сеть значений, зависящих в определённой степени от слов (глаголов и существительных), при которых он употребляется. Родительный приименный указывает на

а) качественную характеристику предмета: камера хранения, ректор института, девочка большого роста;

б) принадлежность: конспект товарища, гостиница аэропорта, гнездо глухаря;

в) субъект действия (действующее лицо): песни соловья, доклад студента, концерт рокгруппы, приход гостя;

г) объект действия (предмет, на который направлено действие): завоевание космоса, замена футболиста, переоборудование магазина, высадка рассады;

д) количественные отношения: обе студентки, взвод офицеров, четыре книги, килограмм конфет;

е) носителя признака: смелость воина, скромность ученого, высота башни;

ж) отношение целого к части: прихожая большого дома, ствол дерева, страницы книги;

з) определённое время: шестое сентября, весна 1945 года. Родительный прилагольный выражает прямой или косвенный объект (выпить воды, достигнуть вершины, бояться экзаменов, ждать вечера), а также различные виды обстоятельственных отношений (дрожать от холода, готовиться для выступления, выехать из города).

Дательный падеж, или датив (лат. *dativus*), выполняет в предложении функцию дополнения или обстоятельства (купить подарок другу, гулять по парку). Чаще всего употребляется при глаголах, реже – при существительных. Дательный прилагольный указывает на косвенный объект (лицо, предмет), на который направлено действие (купить матери подарок, вручить награды спортсменам, помочь студенту, курение вредит здоровью), на субъект действия – при безличных глаголах и категории состояния (больному стало лучше, Петру не следовало соглашаться, девочке здесь жарко, всё это ребятам показалось забавным), а также на место, время и направление действия (идти по брусчатке, копаться в земле, к полудню небо прояснилось, идти к Большому театру).

Дательный приименный выражает косвенный объект (послание другу, служение родине, подарок сестре) или определительное значение (счет секундам, подкормка пчелам, повод к разговорам). Винительный падеж, или аккузатив (лат. *accusativus*), выполняет в предложении роль прямого и

косвенного дополнения, а также обстоятельства (писать диктант, огорчить учителя, бороться за мир), употребляется только при глаголах.

Основное его значение – прямой объект – предмет, на который непосредственно направлено действие переходного глагола (плести венок, развести костер, подписать конверт, застегнуть ремни, заострить карандаши, возводить дворцы, копать картофель). Винительный падеж может выражать субъектное значение (сестру знобит, спортсменов воодушевила победа, меня настораживает неправда), различные виды обстоятельственных отношений: времени, пространства, количества и меры (отдыхал неделю, пробыл сутки, занять весь ряд, прополоть целый гектар, поехать в город).

Творительный падеж выполняет в предложении функцию дополнения, именной части сказуемого, обстоятельства и несогласованного определения (руководить бригадой, брат будет учителем, идти улицей, дом с мезонином). Характеризуется богатством определительных и обстоятельственных значений. Он может быть прилагольным и приименным. Творительный прилагольный означает:

а) орудие или средство действия (писать мелом, ловить сетью, облицовывать плиткой, открывать ключом, вязать спицами);

б) объект действия (заниматься детьми, управлять машиной, наслаждаться музыкой, засыпать зерном);

в) субъект действия – в страдательных конструкциях (диссертация защищена аспирантом, консультация проводится профессором, берег омывается морем);

г) различного рода обстоятельственные отношения: времени и количества (не видеться неделями, работать целыми днями, выехать поздним вечером, произошло это ранней весной), места (пройти коридором, идти краем леса), способа и образа действия (кричать не своим голосом, складываться стопкой);

д) сравнение (лететь стрелой, извиваться змеей, слезы текут ручьем);

е) признак предмета в именной части сказуемого (является профгором, стал аспирантом).

Творительный приименный выражает орудийное, объектное, субъектное, определительное и обстоятельственное значения (выдвижение учеными, мигание фонариком, управление машиной, снабжение топливом, одобрение комиссией, выпел со значком).

Предложный падеж (в древнерусском языке он назывался местным) в современном русском языке употребляется только с предлогами (простыми и сложными), в предложении выполняет роль дополнения или обстоятельства (думать о сестре, работать в администрации).

Может употребляться при глаголах и именах и указывать на:

а) объект действия (разбираться в технике, беседа о космосе, забота о родителях, рассказывать о них);

б) орудие действия (ходить на ходулях, прыжок на батуте, игра на флейте);

в) различные виды обстоятельственных отношений: места (работать в институте, найти на дороге, отдых на юге, раскопки в центре города), времени (проститься на рассвете, отпуск в июле, разговор на этой неделе, в том году), образа и способа действия (писать в тревоге, жить в достатке, замешивать на сыворотке);

г) определительные отношения (полярник в унтах, куртка на подстежке, телевизор на ножках).

Несмотря на то, что традиционным для русистики является представление о шестипадежной парадигме, в литературе до сих пор обсуждается вопрос о возможности включения в её состав дополнительных падежей. В.А. Богородицкий, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, Р.О. Якобсон в рамках родительного падежа выделяют собственнородительный (письмо друга, ножка стула, составление конспекта) и второй родительный, или количественно-отделительный (налить чаю, ложка сахара, купить сыру). В пределах предложного выделяются два падежа: а) изъяснительный (думать

о матери, мечтать о свидании, заботиться о детях); б)второй предложный , или локативный, употребляющийся только с предлогами в и на (встретить в лесу, нарисовать на снегу, лежать на полу).

Детализация родительного и предложного падежей опирается на семантический и формальный критерии. Универсальный родительный падеж употребляется в любых контекстах, словоформы на –а (-я), -у (-ю) находятся в отношениях свободного варьирования. Количественно-отделительный падеж объединяет небольшую группу существительных мужского рода, обозначающих несчитаемые предметы (налить кипятку, мало снегу, ложка меду, добавить сахарку, задать перцу, стакан чаю). Он не всегда способен заменять родительный универсальный, поскольку в русском языке нет контекстов, в которых могут употребляться только формы родительного падежа с флексией –у (-ю).

Формы с локативной семантикой (в аэропорту, в шкафу, на углу) обладают нулевой продуктивностью, т.е. не являются образцом для словоизменения новых лексических единиц. Небольшое количество рассмотренных словоформ, ограниченность сферы их употребления, отсутствие последовательного формального выражения в системе склонения в целом не позволяют включить количественно-отделительный и локативный падежи в падежную парадигму русского языка.

Дополнительным аргументом может служить тот факт, что при выделении падежей опора делается на систему падежных форм, а не на отдельное словоупотребление лексемы. К дискуссионным относится также необходимость выделения так называемого звательного падежа («звательной формы»). Такой падеж употреблялся в древнерусском языке при обращениях и не выражал синтаксических связей между словами (сестра, жена, сыну, волче). Следы этой формы, полностью утраченной к XIV — XV вв., прослеживаются ныне в некоторых обращениях и междометиях в виде полных и усеченных форм существительных (боже, господи, отче, старче, мам, пап, дядь, тетя, Вань, Дим, Саш). Несмотря на то что язык испытывает

недостаток в особой звательной форме, в современном русском языке за ней не закрепился статус самостоятельного падежа. Во многом это обусловлено следующими факторами: во-первых, «звательные» формы активно употребляются только в разговорной речи, во-вторых, их образование не является регулярным, в-третьих, они синтаксически изолированы, поскольку выполняют функцию обращений и синтаксически не связаны с другими членами предложения. Предметом дискуссии является вопрос о выделении счётного падежа, который объединяет формы существительных, употребляющиеся после числительных два, две, три, четыре, оба, обе, полтора, полторы: полтора листа, два автомобиля, три стакана, четыре аквариума. В одних случаях эта форма совпадает с родительным падежом единственного числа (нет стола – два стола, полтора листа – три листа), в других используется форма, отличающаяся от собственно родительного ударением (нет ча'са – четыре часа', нет ша'ра – три шара').

В современной лингвистической литературе выделяются и так называемые ждательный и превратительный падежи. Первый используется в контексте типа Я жду + объект ожидания (жду письмо и письма, жду трамвай и трамвая). Его употребление ограничено глаголами ждать и его производными, а также словоформами бояться, слушаться, остерегаться, опасаться.

Некоторые лингвисты (например, И.Г. Милославский) не характеризуют подобные сочетания в рамках фразеологизмов, поскольку количество контекстов, в которых используется форма этого падежа, достаточно велико. Таким образом, несмотря на существование различных подходов к решению проблемы о количестве косвенных падежей существительного, в современном русском языке сохраняется представление о шестипадежной парадигме.

1.4. Значение падежа и лексические пределы его действия

Падеж в славянских языках – одна из «самых грамматических» категорий. Правда, его описанию мешает не только объективная сложность самого явления, но и разное понимание термина «грамматика» В. Дорошевский когда-то писал, что врагом языкознания является сам язык – в словах «есть и опасность фетишизма, парализующего мысль» [Дорошевский 1973: 117]. Слову бывает трудно удержаться в терминологических рамках; в том числе и название грамматика расползается по метафорическим контекстам, вплоть до «грамматики общения», «грамматики ошибок» или даже «Граматики любви» (название рассказа И. Бунина) и тп. Вслед за И.А. Мельчуком определим грамматическое значение как то, которое в данном языке подлежит обязательному выражению [Ахманова и др. 1961: 34]. Согласимся и с тем, что значение падежа имеет одновременно синтаксическую природу, так как обслуживает отношения между другими языковыми элементами.

Однако сравнение падежа с прочими категориями (число, род, определенность и т.д.), так же как наблюдения над внутренней структурой падежа, приводят к выводу, что языковые значения могут быть «более грамматическими» и «менее грамматическими». Иными словами, семантические оппозиции могут градуироваться по степени своей обязательности, обобщенности, регулярности выражения и т.п. В целом это градация по линии противопоставления «лексическое значение – грамматическое значение» [Перцов 2001: 91–92].

Что касается способа выражения падежных значений, то это, конечно, прежде всего система окончаний (флексий). Однако и здесь возникает ряд вопросов и сомнений. Во-первых, даже в преимущественно синтетических языках – таких, как русский, – падежные окончания используются недостаточно регулярно и строго (это очевидно как на примере неизменяемых слов, так и на примере вариантов падежных форм). Говоря словами И.А. Мельчука, «регулярность выражения словоизменительных значений – это относительная (градуальная), а не абсолютная

характеристика» [Мельчук 1997: 256]. Во-вторых, рассуждая о падежах в языках синтетического строя, нельзя оставлять в стороне систему предлогов, и эта тема заслуживает специального комментария.

Предлог вместе с падежным окончанием существительного образует своего рода конфикс (у которого может быть совсем другое значение, чем у падежной формы без предлога). Скажем, значение комитатива (совместности, сопровождения), столь важное для русского языка, появляется у формы творительного падежа только в том случае, если она выступает в комплексе с предлогом с (с приятелем, с портфелем) – без такого условия творительный падеж данного значения не имеет. Соответствующее понимание статуса предложно-падежной формы было сформулировано Е. Куриловичем в его статье «Проблема классификации падежей». Ученый характеризовал предлог и падежную флексию в составе предложно-падежной формы как «субморфемы» [Kuryłowicz 1987: 181–182]. Тем самым общепринятая точка зрения на падежную систему русского языка как на 6-членную оказывается весьма условной и поверхностной. В этом проявляется, с одной стороны, наивный «морфологизм» традиционной грамматики, а с другой – уступка целям лингводидактики. На самом же деле в современном русском языке к шести «классическим» падежам надо было бы прибавить еще несколько десятков падежей с предлогами. Причем, как показала Г.А. Золотова в своем «Синтаксическом словаре» [Золотова 1988], предложно-падежные формы представляют целый репертуар свободных, обусловленных и связанных синтаксем – т.е. в данном отношении они ни в чем не уступают «чисто падежным» формам. А то, что некоторые предлоги обслуживают по нескольку падежей, не может быть основанием для их игнорирования в падежной грамматике – ведь и среди падежных флексий распространена омонимия. Как писал Е. Курилович, «не Значение падежа и лексические пределы его действия существует падежных форм, которые имели бы только одну функцию» [Kuryłowicz 1987: 31]. Кроме того количество предлогов, в их сочетаниях с падежными флексиями, в русском языке постоянно

возрастает, особенно если включать сюда аналоги предлогов типа в дополнение к, в надежде на, в соответствии с, во главе с, за счет, имени, на манер, не говоря о, отталкиваясь от, по аналогии и с, при отсутствии, путем, радиусом в, размером с и тп.; см.: [Всеволодова и др. 2003]. И это тоже значимый факт в эволюции падежной системы. По мнению ученых, он свидетельствует о возрастающей степени аналитизма русского языка.

Второй вопрос, к которому хотелось бы привлечь внимание, – это диапазон действия грамматической категории, иначе говоря – широта лексической базы, на которой грамматическое значение (в том числе значение падежа) реализует себя. «Массовость» или «классовость» здесь – принципиально важный признак, потому что грамматическое значение обслуживает целый класс слов и подлечит обязательному выражению именно в пределах этого множества. По сравнению с ним лексическое значение имеет более индивидуальный или, если угодно, «штучный» характер. В современной когнитивной теории лексическое и грамматическое значения противопоставляются друг другу в соответствии с особенностями «когнитивной репрезентации».

В частности, Л. Талми определяет грамматическую семантику как семантику закрытых классов [Талми 1999: 92]. Это понятно: число лексических значений может легко увеличиваться за счет новых элементов; но множество грамматических элементов в каждый период строго задано и образует концептуальную структуру («рамку») языка. Одно из ограничений на референцию закрытых классов, по Талми нейтральность по отношению к конкретному представителю. Соотносясь с типами или категориями феноменов, формы закрытых классов не могут относиться к каким-либо отдельным их представителям. [...]

В отличие от этого, например, существительные свободны быть как нейтральными, так и чувствительными по отношению к конкретному представителю. В традиционной терминологии это соответственно имена нарицательные, типа кошка, и имена собственные, типа Шекспир или

Манхеттен. Таким образом, в языке могут быть имена собственные, но не может быть «предлогов собственных» [Талми 1999: 105].

В качестве теоретической декларации это выглядит очень красиво. Действительно, не должно быть случая, чтобы предлог обслуживал только какую-то одну – разовую, уникальную – ситуацию, это противоречит его природе. 3.1. Однако на практике дело обстоит не так просто. Скажем, темпоральные отношения в русском языке выражаются с помощью большого количества формальных средств [Всеволодова 1975].

В частности, значение ‘в пределах какого-то срока’ может обозначаться посредством предлога в + флексия винительного падежа (в год, в день, в минуту и тп.), предлога за + флексия винительного падежа (за год, за день, за всю жизнь и тп.), конструкции с предлогами в течение, в продолжение, на протяжении + флексия родительного падежа (в течение часа) и тд. Выбор конкретного средства зависит от многих факторов, в том числе от характера глагольного действия. Ценнейшие наблюдения над соответствующими условиями содержатся в «Русской грамматике» А. Богуславского и С. Кароляка, одном из первых описаний русского языка в направлении «от смысла – к форме» [Bogusławski, Karolak 1970: 311–316]. Но есть среди этого многообразия темпоральных форм и уникальные. В частности, по-русски можно сказать на неделе: Увидимся на неделе; Семь пятниц на неделе; На прошлой неделе Кити рассказала матери свой разговор во время мазурки с Вронским (Л.Н. Толстой. Анна Каренина). Но другие темпоративы такой формы не образуют, нельзя сказать «на часе», «на месяце» и тп. Еще более странно в этом плане выражение на дню, например: И смотрят по пять фильмов на дню. Ужас! (М. Веллер. Легенды Арбата). Существительное день употреблено здесь в своем обычном значении. Но если дню – форма предложного падежа, то она образована вопреки правилам. А если это дательный падеж, то с ним предлог на обычно вообще не употребляется. Получается, значение ‘в пределах какого-то срока’ выражается здесь

уникальным способом, и предлог, вместе с падежной флексией, используется для одного случая.

Легко предположить, что падежи, включающие в свой формальный арсенал предлоги, особенно склонны к ограничению своей лексической базы. И это понятно: данные формы вторичны (более поздны) и воплощают в себе тенденцию к уточнению, к дифференциации обстоятельственных и объектных значений. По Т.Ю. Кобзаревой и Л.Г. Лахути, денотативное значение предлогов складывается из некоторых «ядер», одно из которых представляется наиболее естественным и наименее обусловленным в речи: в нем «признаки предметов и ситуаций выступают с наибольшей полнотой. Такие ядра являются как бы центром денотативного значения предлога» [Кобзарева, Лахути 1971: 137]. В остальных же случаях значение предлога обуславливается «номенклатурой», т.е. классами обозначаемых предметов.

Предлог про в сочетании с флексией винительного падежа в русском языке выполняет главным образом делиберативную функцию: он означает значение падежа и лексические пределы его действия 'о чем' (вспоминать про войну, рассказ про собаку и т.п.). Однако среди частных и более редких функций этого «конфикса» есть значение предназначенности (дестинатив): 'для, ради'. Хотя реализуется оно, кажется, только применительно к одному существительному, а именно: про запас. Нельзя сказать: *Этот подарок – про моего знакомого; *Купи картридж про принтер; *Товары про женщин и тп. Правда, форма про + вин. падеж в дестинативной функции употребляется еще с местоимениями: не про нас писано, про всех не хватит и тп. Но это в принципе ничего не меняет: предложно-падежная форма (в определенном значении) оказывается лексически «связанной».

Предлог по в сочетании с флексией винительного падежа имеет значение вертикального предела: войти в воду по щиколотку, по колено, по пояс, ребенку тут по грудь, он тебе по плечо, погрузиться по уши, ср. Метафорическое сыт по горло, даже по самое не могу. До тех пор, пока в роли существительного выступают названия частей тела, предлог довольно

исправно выражает свою функцию (хотя тоже не всегда, ср. невозможное *понос – см.: [Ицкович 1982: 104]).

Однако если выйти за пределы этой лексико-семантической группы, предложно-падежная форма утрачивает свою обязательную силу. У А. Фета читаем: По ветви нижние леса. В зеленой потонули ржи... – и эта фраза уже слегка царапает глаз. Но высказывания Дом залило по второй этаж или Лом ушел в землю по половину выглядят совсем уж маловероятными.

Тот же предлог по в сочетании с окончанием дательного падежа имеет в качестве одного из частных (и довольно редких) значений следующее: это «авторство (источник) текста, подвергшегося литер турной или музыкальной обработке (переложению)». По-русски можно сказать: фильм по Чехову, спектакль по Достоевскому, мюзикл по русским сказкам. Даже экстравагантное название пьесы Е. Гришковца «По По» выглядит на этом фоне вполне естественным и соответствующим правилам грамматики (оно ничем не хуже, чем по Короленко и т.п.). Но при этом единственная возможность для существительного в данной позиции – называть фамилию творца или первооснову художественного произведения.

Предлог за в сочетании с флексией творительного падежа может выражать причину: за ненадобностью, за неимением денег, за истечением срока... Но существительные в такой позиции практически заданы списком, их – немного, в пределах десятка. Совершенно невозможно сказать *За дорожными пробками он опоздал на работу, *За жаркой погодой мы остались дома или *За усталостью я никуда не пошел.

Предложно-падежная форма на + винительный падеж может использоваться для выражения ожидаемого психического результата (по Золотовой, это еще одна разновидность дестинатива): на память, на удивление, на радость, на забаву, на потеху... Но расширение лексического круга чревато нарушением нормы. «На возмущение» или «на умиление» сказать нельзя. Ср., впрочем, исключение, которое подтверждает правило: ...

Толстенький лысенький Хрущев, отдуваясь и брызгая водкой из пор кожи, плясал гопака на глумление соратников (М. Веллер. Легенды Арбата).

Предложно-падежная форма с + окончание винительного падежа означает приблизительную меру: с минуту, с неделю, с килограмм, с горсть, с кулак, со спичечный коробок, с десяток и тп. (ср.: и фольклорное мальчик - спальчик). Лексическими маркерами или «усилителями» данной конструкции могут быть показатели типа длиной, шириной, весом, величиной, а также примерно, почти, всего, целый и т.п.

В структуре соответствующего предиката и аргумента существует общий компонент, свидетельствующий о связи между ними. Этот компонент, применительно к предикату, принято называть селективным ограничением. Другими словами, предикат отбирает свои потенциальные аргументы и принимает только те, которые согласуются с ним благодаря наличию в их структуре компонента, который встроен в структуру самого предиката [Topolińska 2010: 16]. Но нашей целью в данном случае является анализ падежного значения в отвлечении от предикатно-актантной структуры, в составе которой оно сигнализирует присутствие того или иного аргумента. Значения «примыкающих» падежных форм (сирконстантов) достаточно самостоятельны. Влияние главного члена на выбор формы зависимого существительного может быть минимальным или даже вовсе не проявляться: дом у дороги, девочка с косичками. Сама зависимая словоформа (особенно с предлогом) выбирается по свойственному ей значению – состояния, пространства, времени, причины и т.п. [Касаткина 2001: 642].

О том же, хотя и с других теоретических позиций, пишет чешская исследовательница Я. Паневова: «Свободные распространители» (free adverbials) способны присоединяться к любому глаголу, но при этом их морфологическая форма не зависит от этого глагола [Paněvová 2003: 142].

Иными словами, говорящий и слушающий исходят из предположения, что речевое поведение слова должно внутреннее согласовываться с его

номинативной природой – и в огромном большинстве случаев эти ожидания оправдываются.

Указанной тенденции – к ослаблению роли падежной формы – могут способствовать и иные факторы, например, сочинительный ряд в качестве речевой «подсказки». Зададим себе вопрос: можно ли сказать по -русски про человека: «он в кушаке», «он в бороде», «он в усах»? Вряд ли; во всяком случае, стилистически подобные сочетания небезупречны. Однако в следующих контекстах они оказываются вполне реальными, и основанием для этого служит поддержка соседей по сочинительному ряду, ср.: в тулупе – в кушаке, в брюках – в бороде, в шапках – в усах: Ямщик сидит на облучке, В тулупе, в красном кушаке (А.С. Пушкин, Евгений Онегин) ...На кафедру взобрался аукционист в клетчатых брюках «столетье» и бороде, ниспадавшей на толстовку русского коверкота (И. Ильф, Е. Петров, 12 стульев). ...Невысокие мужики в теплых меховых шапках и в вислых усах таскали корзины и ящики... (Л. Улицкая, Медея и ее дети).

Конечно, во всех случаях сужения лексической базы, в рамках которой реализуется грамматическое значение, происходит фразеологизация (идиоматизация) сочетаний. Фактически это означает, что падежное значение в составе целой конструкции утрачивает свою силу. Если слово не реализует какое-то из потенциальных падежных значений, то, возможно, это не случайно: неполнота словоизменительной парадигмы становится признаком, поддерживающим или даже, в другой терминологии, «шифрующим» лексическое значение. (Специально об этом свойстве неполной парадигмы [Норман 2011].)

Но здесь напрашивается и другой, более общий вывод. Регулярность образования падежных форм обусловлена широтой соответствующего падежного значения. А установление объема падежного значения – это вопрос, обращенный не только к самому языку, но и к исследователю, это вопрос конвенции и традиции. Получается, что регулярность функционирования падежа достигается поднятием планки семантической

абстракции. А именно: если мы не обращаем внимания на то, в каком именно значении употребляется падежная (или предложно-падежная) форма, то сфера действия падежа оказывается широкой. Но как только мы учитываем, в каком именно значении употреблена данная форма, ее лексическая база неминуемо сужается. Таким образом, возвращаясь к началу статьи, можно сказать, что степень «грамматичности» падежа – в определенной мере не языковая, а метаязыковая проблема.

В истории русской грамматики на него было три ответа: А. У каждого падежа есть свое общее и единое значение. Такая точка зрения была теоретически обоснована Романом Jakobсоном (у него, как известно, значение каждого падежа определяется сочетанием трех семантических признаков: направленности, объемности и периферийности [Jakobson 1985a; Jakobson 1985b]). Нередко под трактовку единого падежного значения подводится иная, в том числе лингводидактическая, мотивировка – как, например, в книге [Janda, Clancy 2002].

У падежа есть несколько (разнородных и самостоятельных) значений. Такая точка зрения представлена в Академической грамматике русского языка 1952 года. Например, у родительного приименного выделяются 8 равноправных «основных значений» (Грамматика I 1953: 120–122). Фактически это шаг на пути к признанию того, что «внутри» одного падежа скрывается несколько падежей с более или менее омонимичным инвентарем морфологических форм.

У падежа среди его значений есть основное, «репрезентативное», и – «вторичные», периферийные. З. Тополинська определяет основные значения славянских падежей по их месту в системе отношений человека-деятеля к прочим возможным участникам ситуации (это составляет суть ее «антропоцентрической теории падежа» [Topolińska 2010: 20–30]). Из российских авторов на сходных позициях стоит, например, М.Ю. Федосюк. «Репрезентативную» функцию падежа он определяет как языковое значение,

а остальные – как смыслы, обусловленные определенными контекстами, см.: [Федосюк 2010: 202–204].

Чем «центральнее», т.е. репрезентативнее, данное падежное значение, тем оно свободнее от контекстуальных условий и тем шире у него лексическая база. Справедливо было бы утверждать, что и каждая предложно-падежная форма имеет некоторое «репрезентативное» значение, которое сопровождается прочими значениями, требующими большей опоры на контекст и обладающими более узкой лексической базой. Возьмем для примера форму «предлог по + окончание дательного падежа» и спросим себя: что значат в русском языке выражения по голове, по мосту, по морю, по кровати, по яблоку, по приказу, по конспектам, по понедельникам, по сказкам, по рассеянности? Единого (общего) значения у них нет и не может быть. Но первое, «наиболее естественное», значение, которое приходит в голову, – это поверхность, на которой происходит передвижение чего-то. Вот этот локатив и есть основная функция данной формы (провести рукой по голове, идти по мосту, ползать по кровати и т.п.). А ее смысловую «периферию» образуют такие функции, как: основание ментального действия (уволить по приказу, по твоим словам, по вашему желанию и т.п.); дистрибутивный субъект или объект (в каждую комнату – по кровати, разнести по адресам, дать детям по яблоку и т.п.); сроки повторяющегося действия (по понедельникам ходить в бассейн, по нечетным числам и т.п.); литературный или музыкальный источник (по Лескову, по русским сказкам и т.п.); каузатив (перепутать по рассеянности, по невниманию, по собственной глупости и т.п.), объект-цель действия (огонь по врагу, скучать по морю, похлопать по плечу и т.п.) и др. Тем самым (безотносительно к тому, зависит ли предложно-падежная форма от конкретного предиката, обусловлена ли она рамками целого предложения или вообще относительно самостоятельна) функции словоформ некоторым образом упорядочиваются, ранжируются по степени их значимости в системе языка.

Выводы

Подытожим сказанное: потенциально парадигма слова полна. Но эта полнота имеет место в сознании до тех пор, пока говорящий не сталкивается с необходимостью образовать конкретную словоформу от конкретного слова. Вот тут с очевидностью проявляется избирательность языковой системы, обусловленная когнитивными и коммуникативными потребностями носителя языка. Представление же о реальном (речевом) наборе форм слова, в том числе форм предложно-падежных, лингвист может получить либо экспериментальными (психолингвистическими) методами, либо из корпусов текстов – это мощный инструмент для исследования речевой реальности.

ГЛАВА 2 ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАДЕЖА

2.1. Семантика творительного падежа в русском языке

Глаголы и существительные выполняют в структуре высказывания разные семантические функции, сущность которых в лингвистической литературе объясняется следующим образом. Лексема глагола-сказуемого описывает «ситуацию», а субстантивные лексемы – «участников» этой ситуации (их называют аргументами).

Например, глагол *давать* отражает ситуацию, предполагающую наличие трех «участников»: кто дает (активный субъект), что дает (объект) и кому дает (адресат), см.: Я дал ему эту книгу. Глагол *любить* описывает ситуацию, включающую двух «участников» (два аргумента): субъект и объект, на который направлено данное чувство: Саша любит своего сына. Глагол *вылететь* предполагает наличие тоже двух аргументов: со значением субъекта и с семантикой исходной точки обозначаемого действия -движения: Он вылетел из Москвы. А глагол *худеть* предполагает наличие только одного «участника» отражаемой ситуации – пассивного субъекта: Он худеет. Те семантические функции, которые субстантивы выполняют в высказывании, называются в лингвистической литературе их семантическими ролями.

Как видно из примеров, наличие тех или иных аргументов, играющих ту или иную семантическую роль в высказывании, предопределяется лексемой глагола. Чтобы представить категорию падежа в сопоставительном аспекте, необходимо прежде всего дифференцировать следующие два понятия:

а) «морфологические падежи» как систему морфологических форм падежа существительных и

б) «семантические падежи» как систему «семантических ролей», или функций, которые в принципе могут выполнять существительные в высказывании, причем любого языка.

Общий объем «падежной семантики», т. е. совокупность возможных семантических функций субстантива, отражающих отношения между реалиями, в принципе универсален. Эти отношения тем или иным способом выражаются во всех языках, включая и те, которые не имеют морфологической категории и форм падежа. Так как наличие зависимых от глагола существительных предопределено его лексическим значением, то морфологическое выражение этой зависимости совсем не обязательно: и без этого будут понятны смысловые отношения между глаголом -сказуемым и его аргументами, тем более что в их выражении могут принимать участие предлоги (или послелоги) выполняют семантическую роль объекта); рассказать брату и рассказать импресарио (роль адресата); отошел от причала и отошел от кафе (роль исходной точки движения).

Назовем самые основные семантические функции, или «семантические роли», выполняемые существительными в высказывании. Субъект действия или состояния. Эта общая семантическая функция подразделяется на определенные разновидности. Во-первых, выделяется активный субъект как активный участник ситуации, или агенс (от лат. *agentis* – «действующий»), расходующий свою энергию в процессе деятельности: солдат бежит, старик разжег костер, сестра рассказала сказку. Во-вторых, выделяется пассивный субъект, или пациенс (от лат. *patiens* – «терпящий»), как носитель определенного состояния или претерпевающий изменения в ходе не контролируемых им внешних воздействий: мальчик спит, щенок растет, стена рухнула.

В-третьих, выделяют субъект как «восприниматель» зрительной, слуховой и прочей информации: солдат увидел костер, девочка слушает соловья, лев чует добычу – и еще другие, более частные разновидности субъекта. Выделение некоторых разновидностей субъекта не всегда очевидно

для носителей русского языка, так как все они в русском языке выражаются одним падежом – именительным. Объект действия – предмет, на который каким-то образом направлено действие; он также представлен несколькими разновидностями. Во-первых, это объект как предмет, возникающий, исчезающий или подвергающийся неким изменениям в результате деятельности: строить мост, срубить дерево, покрасить крышу; во-вторых, это объект как источник информации.

Объект, возникающий в результате деятельности, иногда выделяется особо и называется результативом. принимаемый органами зрения, слуха, обоняния и др.: солдат увидел костер, девочка слушает соловья, лев чует добычу. Выделяют и другие разновидности объекта. Разновидности объекта тоже не всегда легко осознаются носителями русского языка и именно потому, что все они в русском языке выражаются одним, именительным падежом. Адресат – это участник ситуации, которому агент направляет информацию: сестра рассказала мне сказку, показали гостю комнату. Владелец – это участник ситуации, которому принадлежит что-либо: дом отца, собака Андрея, квартира родителей. Инструмент – участник ситуации (обычно неодушевленный), которого агент использует для осуществления своей деятельности: написано пером, изготовили на станке, подчеркнул по линейке. Причина – участник ситуации (обычно неодушевленный или действовавший бессознательно), который является причиной ситуации: из-за тебя мы опоздаем, царь обрадовался известию, страх гнал его в путь. Источник – исходный пункт движения: выбежал из дома, отошел от причала. Место – участок пространства или объект, в котором локализована ситуация в целом: жил в Сибири, нашли под столом, стоял у причала. Существуют и другие семантические роли [3, с. 165].

Данные «семантические роли» формально выражаются в падежных системах языков мира с разной степенью подробности. Как правило, каждой такой роли (или группе близких ролей) в каком-то падежном языке соответствует свой особый падеж. Так, функцию активного субъекта, т. е.

агенса, в номинативных языках выполняет именительный падеж, или номинатив (лат. *nominatīvus*), а в эргативных языках – эргативный падеж (при переходных глаголах). Функцию объекта, на который непосредственно направлено действие, в номинатив. Эту семантическую функцию может выполнять и творительный падеж, однако только в страдательных конструкциях типа

Почта разносилась почтальоном по утрам.

Семантическую функцию адресата выполняет дательный падеж (лат. *datīvus*), функцию инструмента – творительный падеж, или орудийный, или инструментальный (лат. *instrumentalis*), а функцию обладателя – родительный (лат. *genitīvus*), или притяжательный, падеж. С неодинаковой степенью подробности, семантической расчлененности выражаются в разных языках прежде всего пространственные отношения (такие падежи в целом называются пространственными, местными или локативными – от лат. *lokus* – «место»). Итак, в сфере категории падежа языки могут различаться прежде всего:

- 1) наличием/ отсутствием этой категории, а при ее наличии
- 2) количеством морфологических форм падежа,
- 3) разным распределением универсальных «падежных» значений между падежными формами,
- 4) типом формальных показателей падежа, т. е. средствами выражения данной морфологической категории. Количество падежных форм в разных языках и выражение падежной семантики.

2.2 Способы передачи падежных значений

Падежные значения выражаются **двумя способами**:

1 способ – Синтетический основное средство – флексии: дом, дома, дому А дополнительными выступают: 1)меня ударения (конь, коня, коню) 2)чередования (сон, сна) 3)наращения (мать, матери)

2 способ – Аналитико-синтетический взаимодействуют окончания и предлог. Предлоги уточняют, конкретизируют значение падежа. Для мамы, у

мамы, из-за мамы. В руке, о руке. NB!Если существительное несклоняемое, то мы говорим не о падеже, а о позиции падежа.

Значения падежей Специфика ГК падежа заключается в том, что один падеж может передавать сразу несколько значений.

Значение падежа зависит:

1. Форма и значение управляющего слова Дать руку (форма зависит от глагола) Книга Тани (семантика)
2. Семантика самого слова Ушёл от обиды (обстоятельство причины), ушёл от родителей (обстоятельство объекта)
3. Семантика предлога Сходим в магазин без детей (условие). Сходим в магазин для детей (цель).

В современном русском языке все падежи многозначны. Каждый падеж выражает определённые синтаксические отношения и выступает в характерных для него синтаксических функциях. Выделяют четыре основных типа падежных значений. Субъектное – указывает на производителя действия или носителя признака. Субъектное значение имеют формы И.п. или косвенных падежей, обозначающие субъект действия. Грамматический субъект может совпадать с логическим: Кокетка судит хладнокровно, Татьяна любит не шутя. Объектное – указывает на объект, на который направлено действие или с помощью которого осуществляется действие: В море царевич купает коня.

Определительное – указывает на признак предмета, в том числе и предикативный: Сперва Онегина язык меня смущал. Люди – лодки. Хотя и на суше. Обстоятельственное – указывает на время, место, причину, образ действия и т.д.: Выхожу один я на дорогу; сквозь туман кремнистый путь блестит.

Средством различения омонимичных падежных форм, а также различения значений одной и той же формы падежа являются предлоги: к дочери (Д.п.), о дочери (П.п.); жить для сына, жить у сына (Р.п.).

Именительный падеж Основное значение – субъектное
Определительное значение представлено:

1)в приложении: Волшебный край! Там в стары годы, Сатиры смелый властелин Блистал Фонвизин, друг свободы, И переимчивый Княжнин

2)в именном сказуемом именительный предикативный): География – наука почтальонов. 2 неосновных: Звательное (т.е. в обращении): Скажи -ка, дядя, ведь недаром Москва, спалённая пожаром, француз у отдана? Предмета сравнения: Как привидение, за рощею сосновой, Луна туманная взошла.

Родительный падеж

1. Субъектное: труд учёного, пение солиста
2. Объектное: просмотр фильма, заключение контракта
3. Принадлежности: дача соседа, дом отца, книга сестры
4. Определительноеб дело чести, судья международного класса
5. обстоятельственное: материалы для опыта, красный от стыда

Дательный падеж Основное значение – объектное, оно конкретизируется ка значение объекта – адресата: написать другу, подарить ребёнку игрушку.

Винительный падеж Основное значение – объектное: отправить письмо, подарить цветы. Имеет значение времени: пробыл неделю, ехал сутки. Цели: остановиться на ночлег.

Творительный падеж Основные значения – объектное и определительное. Объектное: писать мелом, заниматься хореографией Определительное: брат будет врачом, работать учителем Субъектное: спектакль поставлен главным режиссёром

Предложный падеж основные значения – объектное и обстоятельственное. При объектном значении указывает на предмет речи, мысли, чувства: говорить о работе, думать о детях. В обстоятельном значении с предлогами в, на указывает на место действия: жить в городе, находиться на улице, стоять на мосту время действия: в будущем году, в юности.

2.3. Неадвербиальные значения творительного падежа

Сфера употребления творительного беспредложного в современном русском языке весьма обширна. В сравнении с другими славянскими языками этот падеж используется здесь наиболее часто и разнообразно. Понятно, что проблематика его синтаксического употребления и соотношения с падежами с предлогами привлекала особое внимание русских лингвистов; достаточно указать имена таких исследователей, как А. А. Потебня, О. В. Патокова, Е. А. Седельников, Т. П. Ломтев и В. П. Сухотин.

В то же время вопросу об употреблении беспредложного падежа в отдельных других славянских языках посвящались также монографические труды (напр. Й. Лось, Е.К. Тимченко, М. Ивич, М. Бауэрова), или же теоретические исследования (напр. Д. С. Станишева). Среди всего многообразия словосочетаний с творительным имеются, следовательно, с одной стороны такие, в которых творительному свойственна та или другая семантическая, адвербиальная нагрузка, напр. писать ночью, идти лесом, говорить мягким голосом, лететь стаяй. С другой стороны, в иных словосочетаниях творительный более или менее лишен конкретной семантики, конкретного значения, напр. пользоваться словарем, командовать армией, доволен своей работой, строиться каменщиками, являться примером. В любом случае своего употребления творительный выполняет определенную функцию как член предложения, однако не во всех функциях он наделен тем или иным конкретным значением. Отсутствие конкретного значения — главный и первый признак чисто синтаксического употребления падежей вообще.

Чисто синтаксический падеж выступает как необходимое грамматическое средство языковой реализации синтаксического отношения имени к своему господствующему члену. Напротив, употребление семантического падежа (напр. приехать поздней ночью) обусловлено не только синтаксически, но и семантически, причем данный падеж не является

единственно необходимым средством, реализации синтаксического отношения имени к господствующему члену. Отсюда вытекает другой важный признак чисто синтаксического употребления падежа: он требуется самой лексико-грамматической природой своего господствующего члена (или всей конструкции предложения) и, как правило, не может быть заменен другим падежом (другой словесной формой) или наречием при сохранении того же синтаксического отношения. Следовательно, обязательная обусловленность падежной формы, ее незаменимость при соблюдении выражаемого ею синтаксического отношения

— вторая отличительная черта чисто синтаксического падежа. Различение обоих качественных полюсов — семантического (семантикосинтаксического, адвербиального) и чисто синтаксического употребления. Само собой разумеется, что между обеими областями не всегда можно провести точную грань. В творительном падеже нередко даже при синтаксическом употреблении выступает адвербиальный оттенок, да и внутри семантического его употребления одно значение может наслаиваться на другое. Какими бы тонкими ни были взаимные переходы, синтаксист не может отказываться от принципиального размежевания упомянутых качественно отличных явлений.

В сферу семантического творительного входят такие случаи, в которых творительный:

1) насыщен конкретным значением (орудийным, образа действия, местным, временным и т. д.),

2) зависит от господствующего члена в порядке примыкания, не являясь необходимым средством реализации соответственного синтаксического отношения. Семантический творительный выполняет, как член предложения, примарную функцию обстоятельства. Функция, обстоятельства — главная и относительно наиболее частая функция творительного вообще. Внутреннее распределение обстоятельственного

творительного основывается на семантических аспектах. В сферу же синтаксического творительного нужно отнести и такой творительный, который:

1) не обнаруживает отчетливой семантики, выражая лишь общие категориальные синтаксические отношения,

2) обусловлен в своем употреблении как к обязательное, обычно незаменимое средство реализации данного синтаксического отношения.

Он выполняет примерную функцию' либо дополнения (т. е. объекта или субъекта действия), либо сказуемого в широком смысле слова (т. е. собственно именного сказуемого и т. наз. аппозиции, предикативного детерминанта). Синтаксический творительный в современном русском языке представлен в более узком диапазоне, чем семантический. Однако процесс синтаксизации творительного как раз в русском языке достиг относительно большой степени, большей, нежели в других славянских языках. Предложенное нами разделение всей совокупности синтаксических значимостей творительного падежа на два основных разряда и общее указание на то, какие именно функции входят в тот и другой разряд, требуют некоторых объяснений.

2.4 Адвербиальные употребления творительного падежа

В области творительного, который считается нами семантическим (обстоятельственным), особого внимания заслуживает. наз. творительный орудия и средства. Русская синтаксическая наука, сохраняя вслед за А. А. Шахматовым относительно широкий объем категории дополнения, усматривает в нем один вид дополнения. Приведем аргументацию в защиту обстоятельственной, а не объектной природы творительного орудия и средства. (а) Твор. орудия и средства - не функционирует по чисто синтаксическим причинам, а вызывается в своем употреблении прежде всего семантически — орудийное отношение и есть одно из ряда конкретных значений, на том же уровне, что и значение образа действия, причины, меры, места, цели и т. д. (б) Зависимость от своего господствующего члена это т

творительный выражает не в порядке управления , а в порядке примыкания . Почти всякое переходное действие можно осуществлять при помощи, посредством какого-либо средства и орудия, независимо от конкретности или абстрактности самого действия; можно не только резать чем-н., бриться, мерить.. . чем-н., но тоже лечить, помочь, поразить, обрадовать, уморить.. . чем-н. Отсюда явствует, что управление творительным падежом (т. е. реакция , необходимость постановки именно этого, а не другого падежа) не может быть свойственно столь неограниченному количеству глаголов. (в) Творительный орудийный в русском языке не представляет единственное и незаменимое средство выражения соответственного синтаксического отношения.

Исследованный нами обширный материал наглядно показывает, что именно в русском языке отношения орудия и средства в широком смысле весьма часто обслуживаются не творительным, а падежами с предлогами, особенно секундарными (производными). Чаще всего эти падежи встречаются в научном, публицистическом и деловом стиле. Имеем в виду случаи вроде: измерять теплоту при помощи калориметра, образовать форму посредством суффикса -ся, восстановить язык-основу путем сравнения, увеличить выпуск литья за счет улучшения технологии, достигнуть точности в результате тренировки.

Если адвербиальный, обстоятельственный характер указанных падежей с предлогами не вызывает сомнений, то тем самым мы не имеем права отрывать от них беспредложный творительный, ибо он альтернирует с ними, выступая нередко в качестве их синонимического эквивалента (в чешском языке в приведенных нами примерах всюду употребителен творительный беспредложный). (г) Для объектных отношений во внеязыковой действительности характерно то, что объект непосредственно затрагивается действием, испытывает на себе проявление действия, меняя под его влиянием свое состояние и являясь , так сказать, средоточием действия;* напр. дирижировать оркестром, качать головой, заниматься литературой,

управлять машиной, махать платком. Однако при орудийном отношении само орудие или средство принимает в действии лишь косвенное, вспомогательное участие, оставаясь, так сказать, „в стороне", не подвергаясь его прямому воздействию; напр. бриться электрической машинкой, помочь своим советом, ударить кого-н. кулаком, засыпать яму лопатой.

В историческом аспекте, как это общепризнается, когда-то творительный во всех случаях своего употребления был только семантическим, служил средством выражения различных конкретных значений. Известно, что выражение орудийного отношения — одно из исконных значений творительного вообще.

Утрата творительным конкретной орудийной семантики и переход его в категорию дополнения характерны лишь для сравнительно небольшого количества сочетаний глаголов с творительным. Так, древнерусское пользоваться + творительный имело еще значение „делать себе пользу, добро посредством чего-либо", т. е. творительный выражал фактическое орудие, средство. С течением времени, однако, это конкретное значение уступало на задний план, в связи со сдвигом лексического содержания самого глагола пользоваться, и творительный все больше становился выразителем чисто объектных отношений, превращался в член, управляемый глаголом. Подобным образом обстояло дело также с творительным при других глаголах (и прилагательных), которые в настоящее время управляют им; орудийная (или другая) семантика сублимировалась, и данное сочетание закрепилось в управление; напр. владеть чем-н. первоначально имело смысл „осуществлять власть посредством чего-н.", а теперь означает просто, что что-н. является объектом власти.

Нужно, следовательно, иметь в виду, что объектная функция творительного — явление позднейшее, результат длительного развития языка; в настоящее время она свойственна этому падежу только в положении при определенном, ограниченном круге глаголов и прилагательных.

Известно, что значение орудия и средства стоит в теснейшей взаимосвязи и взаимопроникновении со значением образа действия. Целый ряд случаев допускает двоякую семантическую интерпретацию. Напр. в сочетании бриться электрической машинкой мы имеем дело не только с осуществлением действия при помощи данного орудия (бриться чем? — значение орудия), а тоже с определенным способом совершения действия, который является иным, чем напр. в сочетании бриться бритвой (т. е. бриться как? значение образа действия).

В сборнике Творительный падеж в славянских языках семантическая категория образа действия так и осталась включенной в категорию орудия и средства, как частная ее разновидность (с. 109.). И если никто не ставит под сомнение адвербиальный, обстоятельственный характер творительного образа действия, то тем самым нельзя не признать обстоятельного характера и за творительным орудия и средства. (ж) При весьма широком понимании инструментального дополнения получается так, что в одной плоскости оказываются различные и несоотносительные по своей природе синтаксические факты. Так, в Грамматике русского языка АН СССР, т. II, ч. 1, стр. 132 сл. к числу словосочетаний, выражающих объектные отношения, относятся наряду с такими, как махать руками, наделить талантом, напиться влагой, владеть французским языком, увлекаться шахматами — где, на наш взгляд, мы действительно имеем дело с объектными отношениями и с явлением управления —, и такие словосочетания, как пахать трактором, лечить порошками, писать чернилами.

Итак, можно остановиться на том, что творительный орудия и средства есть семантический, а не чисто синтаксический падеж; он выполняет примарную функцию обстоятельства, а не дополнения. Следовательно, в категорию обстоятельства нужно включить, между прочим, в качестве особого типа обстоятельство орудия и средства. С другой стороны, необходимо в порядке перечня установить такие группы глаголов (и прилагательных), которые фактически управляют творительным падежом, т.

е. по самой лексико-грамматической природе своей требуют именно этот падеж, являющийся выразителем объектных отношений;

В области семантического, обстоятельственного творительного в современном русском языке можно различать следующие категории значений: 1) орудие и средство в широком смысле; 2) образ действия в широком смысле — содержащий четыре разновидности: образ действия в узком смысле слова (сказать громким голосом), сравнение (щебетать ласточкой), совокупность (расходиться группами, расти скоплениями) и внешние сопутствующие обстоятельства (прийти своей волей); 3) меру; 4) ограничение; 5) причину; 6) место; 7) время. Промежуточное положение между семантическим и синтаксическим употреблением занимает твор. превращения (взаимосвязанный, с одной стороны, с творительным сравнением, а с другой стороны, с творительным предикативным), а также твор. вспомогательного материала (восходящий к творительному орудия и средства, однако в части случаев относящийся теперь уже, скорее, к объектному творительному).

Благодаря своей семантике обстоятельственный творительный нередко подвергается процессу морфологической адвербиализации, переходя в разряд наречий; это касается, прежде всего, творительного образа действия (рысью, разом, толком, бегом...), места (верхом, задом, боком, кругом) и времени (летом, зимой, ночью...). Употребление обстоятельственного творительного вызывается, в высшей инстанции, не синтаксическими, а семантическими причинами; поэтому-то зависимость такого творительного (или же, по выражению Т. П. Локтева, его „позиционное звено в структурной позиции предложения“) от лексической природы компонентов словосочетания столь велика, ср. писать пером — писать ночью, умереть голодом (нормально: от голода, с голоду) — уморить голодом. Господствующим членом семантического творительного большей частью бывает глагол. Однако творительный меры, ограничения и причины представлен нередко, или даже преимущественно, в положении при прилагательном (эвент. при наречии в

сравнительной степени); ср. выше головой, слаб здоровьем, мягче натурой, ценный своей точностью, неприятный своей раздражительностью; в других значениях приадективный семантический творительный встречается в виде исключения (напр. душою рад что-н. сделать, жив чужим трудом). В позиции при глаголах и прилагательных творительному здесь присуща его примарная функция — функция обстоятельства. Если же он попадает в синтаксическую зависимость от существительного, то приобретает секундарную, производную функцию определения, сохраняя свое конкретное обстоятельственное значение; следовательно, мы можем говорить об обстоятельственном определении (напр. удар топором, печать мелким шрифтом, прогулка лесом, Москва вечером).

К несемантическому, чистому синтаксическому у творительному мы относим, как указывалось, творительный дополнения и творительный предикативный в широком смысле. Категория дополнения, в свою очередь, распадается на два отличных друг от друга раздела:

1) на дополнение, выражающее субъект действия, 2) на дополнение, выражающее объект действия. В первом случае твор. указывает того или то, от кого (чего) исходит действие, кто (что) является его источником, производителем; во втором случае, напротив, он обозначает того или то, на кого (на что) направлено действие.

Между творительным субъекта и объекта имеются, несмотря на их различный характер, некоторые взаимосвязи и общие соответствия. Дополнение, выражающее субъект действия, налицо, прежде всего, при пассивной глагольной форме, напр. дом строится каменщиками. Его отнесение к синтаксическому употреблению оправдывается в русском языке благодаря тому, что творительный выступает здесь в качестве обязательного, управляемого и незаменимого падежа (конструкция от + родительный вышла полностью из употребления), а также благодаря тому, что в нем отсутствует конкретное значение — отношение производителя действия к самому действию не есть „значение“, подобно как нельзя видеть „значение

" в отношении объекта, испытывающего на себе воздействие со стороны действия. Творительный субъекта сближается, правда, с творительным орудия и средства, но в то же время принципиально отличается от последнего; ср. письмо написано мною (= я написа л письмо) X письмо написано пером (= кто-то написал пером; нельзя сказать: перо написало письмо).

Показателем того, что творительный в данном конкретном случае выполняет (или не выполняет) функцию дополнения субъекта, является возможность изменения пассивной конструкции в активную и превращения творительного в именительный в функции подлежащего.

Ярче всего субъектный характер творительного обнаруживается тогда, когда в нем выступает название лица. Мы склонны думать, что творительный дополнения-субъект а существует также в безличных предложениях , выражающих стихийные действия, типа солнцем выжгло траву, окно забрызгало дождем, ветром относит голос. В научной литературе творительный объясняется здесь обычно как орудийный. Его семантическая связь со значением орудия и средства не подлежит сомнению, и употребление подобного творительного при безличном глаголе исторически восходит к семантической области орудия и средства. Однако в системе современного русского языка в большинстве случаев подобный творительный выражает обычно фактического производителя действия, а не орудие „какой-то непознанной силы" . Данная форма получила в языке в течение исторического развития новое осмысление, и если теперь говорят солнцем выжгло траву, его убило электричеством, то вряд ли ощущают здесь смысл „что-то выжгло траву посредством солнца" , „что-то убило его посредством электричества" .

Впрочем, нередкая и всегда допустимая замена безличных оборотов личными, в которых творительный становится грамматическим подлежащим (напр. солнце выжгло траву), — красноречивое свидетельство о том, что твор. в безличной конструкции осознается говорящими как субъектный, а не как

орудийный. (Так же обстоит дело в страдательных оборотах; там, где творительный имеет значение одного только орудия, замена в действительный оборот с соответствующим именем в роли подлежащего невозможна, ср. выше.) Синтаксический фактор, обосновывающий отнесение субъектного творительного, выражающего стихийного, неодушевленного производителя действия, к разряду синтаксического употребления, заключается в следующем: 1) в творительном отсутствует конкретное значение, ибо он выражает обычно не орудие действия, а субъект; 2) ему соответствует позиция подлежащего в личном предложении; 3) для выражения данного синтаксического отношения, при выборе безличной глагольной формы, он служит незаменимой падежной формой существительного. Во всех трех пунктах наблюдается полная аналогия с творительным в страдательных оборотах.

Если субъектный творительный дополнения попадает в синтаксическую зависимость от существительного (напр. исполнение романа певицей), то он получает производную функцию определения. Дополнение, выражающее объект действия, стоит, прежде всего, при нескольких группах глаголов. Эти группы, если их распределить начиная с „сильного" управления — группа 1) — и кончая „слабым" управлением — группа 10) —, т. е. по направлению к области обстоятельства, следующие: 1) владеть, командовать, располагать...; 2) дорожить, интересоваться, пренебрегать, заниматься...; 3) делиться, обмениваться, меняться...; 4) изобиловать, кишеть, отличаться; 5) гордиться, славиться...; 6) качать, трясти, махать, вертеть, шевелить...; 7) надышаться, закусить, объесться...; 8) наделить, снабдить, запастись...; 9) наполнить, засеять, покрыть, окружить, набрякнуть, исполниться, залиться — сюда входит в части случаев т. наз. творительный вспомогательного материала; 10) вспыхнуть (гневом), сиять (чистотой), отзываться (строгостью), греметь (громкой славой), дышать (прохладой), пахнуть (розами), истекать (кровью), забыться (сном), раскатиться (смехом).

Помимо того, есть еще некоторые изолированные глаголы, управляющие творительным, напр. извиняться, отговариваться (болезнью), страдать (недостатками), заразиться (ангиной).

Все количество глаголов, управляющих творительным падежом, далеко не неограниченно, и отдельные глаголы можно было бы привести в виде исчерпывающего перечня. Если здесь глагол стоит в страдательной форме (или если возвратная форма допускает страдательное значение), то может произойти нейтрализация объектной-субъектной значимости дополнения в твор. падеже ; напр. в предложении сердце его наполнялось радостью стирается противоположность между смыслом „радость наполняла сердце " (субъектный творительный) и „сердце само по себе впитывало в себя чувство радости" (объектный творительный). Или же предложение: воздух насыщен парами допускает опять страдательное или средне-возвратное понимание („пары насытили воздух" || „воздух насытился парами"). Подобная нейтрализация, пожалуй, не влияет на сущность творительного — он остается синтаксическим, т. е. дополнением.

Дополнение, выражающее объект, может стоять и при прилагательных, напр. обильный, богатый, скупой, доволен. Некоторые из числа их соотносительны с глаголами, управляющими творительным. В позиции при существительных твор. дополнения-объекта выполняет производную функцию объектно-дополнительного определения (владение языком, обмен опытом, вращение кнопками и т. п.).

Большое распространение в русском языке (наряду с польским) получил предикативный творительный в широком смысле. Именным сказуемым в этом произведении признается не только предикативное имя при чистой связке (или в предложении без связки) и при неполнознаменательных глаголах, но даже при полнознаменательных глаголах, напр. она вернулась в родное село учительницей. При этом здесь как-то оставляются вне поля зрения предикативные сочетания имени с переходными глаголами, вроде его считают специалистом, он нашел свой

дом разрушенным. Далее: в противоречии с отмеченной концепцией именного сказуемого, в разделе о словосочетании в той же Грамматике русского языка творительный в случаях типа уехал ребенком, встретил ись студентами оценивается как к выражающий временные отношения, т. е. как к будто относится к категории обстоятельства времени. „Комплексная “ концепция именного сказуемого, когда сказуемым считается сочетание любого глагола с предикативным именем, является , по нашему мнению, неверной и несостоятельной.

Таким образом, категория предикативного творительного распадается на две части: в первой, при связке в определенной форме, творительный выполняет собственно функцию именной части сказуемого (напр. является великим ученым, будет инструктором), в то время как в другой части, при определенной форме других глаголов, творительному принадлежит функция предикативного детерминанта (напр. работает трактористом, чувствует себя довольным, вернулась учительницей, расстались друзьями, нашли его раненым).

Употребление творительного падежа в функции именной части сказуемого и предикативного детерминанта, как известно, в современном русском языке в ряде случаев является обязательным, представляет своего рода управление (ср. он стал шахтером, при почти неупотребительном „ он стал шахтер“). Собственно, как указывал еще А. М. Пешковский, мы имеем здесь дело с сочетанием управления и согласования. Тем самым твор. получает здесь характер синтаксического падежа. Даже случаи , где возможен выбор двух или трех параллельных форм (он был молод, он был молодой, он был молодым), не опровергают, а скорее подтверждают синтаксический характер творительного: выбор той или другой формы обуславливается не семантически, а грамматически — разной модальностью, разным отношением говорящего к сообщаемому содержанию. Кроме того, нет сомнения, что сама категория предиката в широком смысле есть категория, выражающая синтаксическое, а не семантическое отношение

преддицируемого признака к подлежащему у (или к прямому дополнению). Другое дело, конечно, что в предикативном детерминанте может иногда выступать примесь адвербиальной семантики, в силу чего творительный в некоторых случаях допускает замену падежом адвербиального характера ; ср. служил здесь в качестве инструктора, работал в счетоводах, был принят в переводчики. Если связка стоит в именной форме (инфинитиве, причастии, деепричастии), то сочетание ее с творительным выполняет как к целое в предложении различные секундарные, производные функции; напр. быть критиком — это легкое дело; являясь противником консерватизма, он отстаивал все новое, прогрессивное.

Скорее в виде исключения встречаемся даже с тем, что связка получает форму отглагольного существительного; ср. у Маяковского: Помнишь, Нетте, в бытность человеком ты пивал чай со мною в дипкупе (выражение „в бытность человеком" выполняет как к целое функцию обстоятельства времени). Подобным образом, в именной форме могут оказаться все другие глаголы, сочетаясь при этом с творительным. Твор.' при инфинитиве, причастии и деепричастии сохраняет свою собственную функцию предикативного детерминанта, напр. вернувшись учительницей; прийти последним; человек, работающий здесь планировщиком. В позиции при отглагольном существительном, однако, творительный опять-таки приобретает производную функцию определения (предикативно - детерминирующего определения), напр. работа монтером, его назначение директором, сохранение хода часов неизменным.

2.5. Приименные употребления

Творительным падежом (лат. инструменталис, инструментатив) в языках мира обозначается инструмент, орудие, которым производится действие.

В русском языке творительный падеж отвечает на вопрос кем? чем?

Основной формой выражения творительного падежа русского языка являются флексии: -ой (-ою) / -ёй (-ёю) / -ей (-ею) (ложкой), -ом / -ём / -ем

(ножом / конём / морем), -ым / -им (больным / рабочим), -ыми / -ими (нашими, красными), -ми (детьми, всеми), -ами / -ями (ножницами), -[jy] (рожью, пятью), -а (сорока́), -мя (двумя), -у (полтора), □ (кофе, пальто).

В русском языке беспредложный творительный падеж может быть приглагольным и приименным. Приглагольный творительный падеж имеет основное значение орудия или средства действия: *резать ножом*.

Творительный приглагольный падеж может иметь обстоятельственные значения времени, пространства, образа и способа действия: *вернуться осенью, лететь вихрем, идти лесом, говорить громким голосом*.

Приглагольный творительный падеж может иметь значение производителя действия: *Роман «Дым» написан Тургеневым в 1867 году*.

Особый случай применения творительного падежа представляет так называемый творительный предикативный, он образует (со связкой или без нее) составное сказуемое и используется для выражения именной части составного сказуемого: *он стал опытным переводчиком*.

Приименный творительный падеж употребляется:

а) при именах существительных со значением

- орудия действия: *удар ногой, чистка пылесосом*;

- производителя действия: *охрана сада сторожем*;

- содержания действия: *занятия иностранным языком*;

- определительным: *усы колечком, кепка блином*;

- в сравнительно редких случаях – со значением образа действия: *пение тенором*;

б) при именах прилагательных для указания на область проявления признака со значением ограничения: *известен открытиями, сильный чувствами*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе работы нами был очерчен круг явлений, связанных с выражением категории падежа в русском языке.

Основной целью нашего исследования было описание специфики категории в языке, выделение корпуса лексических средств ее выражения, определение их актуальности.

В первой главе категория падежа охарактеризована как языковая категория, первоначально исследованная в логической науке и имевшая иной статус, выявлен набор признаков категории и лингвистические подходы к ее описанию. К основным категориальным признакам, обнаруженным на основе логико-философских работ, относятся:

- 1) ограниченность, предельность, форма либо безграничность, беспредельность, аморфность;
- 2) повтор, множественность либо единичность;
- 3) целостность либо дискретность, индивидуальность.

Кроме того, падеж соотносится с категориальными признаками общего, части и целого, необходимости и случайности.

Поскольку категория падежа может реализовываться на всех уровнях языка, то она выступает как лексико-семантическая, грамматическая (морфологическая и синтаксическая), функционально-семантическая или просодическая. Кроме того, категория падежа может выступать как словоизменительная или классификационная категория, в зависимости от статуса значения.

Анализ языкового материала, представленного в гл. 2, позволил охарактеризовать выявленные категориальные показатели в языке с точки зрения семантики выражаемых субкатегорий.

Наше исследование, по большей части, проводилось на материале НКРЯ. В качестве перспектив его развития можно обозначить дальнейшие изучение категории падежа на материале устной речи, в частности, диалогической, и сопоставление данных с уже проведенными результатами исследований.

Категория является характерной особенностью грамматической структуры языка.

Категория падежа в английском языке -одна из самых противоречивых вопросов по грамматике. Проблема падежа существительных в современном английском языке противоречива и неясна во многих отношениях. Этот вопрос считается одним из самых запутанных в грамматике английского языка.

Изучение материала по выбранной теме, а также рассмотрение практики показывает несколько теории, определяющих падеж в языке, а также выражения различных значений категорией. Тем не менее, не смотря на существующие подходы и теории изучения категории падежа языка, проблематика исследования остается открытой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко А. В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб.: Наука, 1992. С. 29 –70.
2. Бондарко А. В. Теория инвариантности Р. О. Якобсона и вопрос об общих значениях грамматических форм // Вопросы языкознания. 1996. № 4. С. 5–18
3. Бондарко А. В. Формообразование, словоизменение и классификация морфологических категорий (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 3–14.
4. Виноградов, В. В. Грамматика русского языка : в 2 т. Т. 1 : Фонетика и морфология / В. В. Виноградов. – М. : Изд-во АН, 1960. – 720 с.
5. Володин А. П. Ительменский язык. – Л.:Наука, 1976. – 425 с. 3. Грамматика современного литературного языка. // Под. ред. Н. Ю. Швецовой. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
6. Володин А. П. Падеж: форма и значение или значение и форма? // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. – Л.: Наука, 1974. - С. 261-291.
7. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. – М.: Наука, 1967. – 307 с.
8. История лингвистических учений: Древний мир. // Отв. ред. А. В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1980. – 258 с.
9. Лаврентьев А. М. Категория падежа и лингвистическая типология: на материале русского языка. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. – 216 с. 7.
10. Лингвистический энциклопедический словарь./Под. ред. В. Н. Ярцевой.- М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
11. Ломоносов М. В. Российская грамматика / Михаила Ломоносова. – Leipzig: Zentral antiquariat der DDR, 1972. – 213 с.

12. Лутин С.А. Именительный и творительный падежи на шкале потенциальной активности. // Теория и практика преподавания русского языка иностранным учащимся в вузах. - М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2005, С. 98-10
13. Лутин С.А. История и перспективы изучения именительного падежа: от частного к общему // Вестник РУДН. Сер. Русский язык нефилологам. Теория и практика. - М.: РУДН, 2004. № 5. - С. 34-43
14. Лутин С.А. Творительный падеж сквозь призму инвариантности. // Вестник РУДН. Сер. Русский язык нефилологам. Теория и практика. - М.: РУДН, 2005.
15. Лутин С.А. Шкала потенциальной активности русских падежей. // Вестник РУДН. Сер. Русский язык нефилологам. Теория и практика. - М.: РУДН, 2003. № 1(4). - С. 19-32.
16. Лутин С.А., Басманова А.А. Заметки об инвариантных значениях русских падежей (падежи-локализаторы).// Вестник РУДН. Сер. Русский язык нефилологам. Теория и практика. - М.: РУДН, 2002. № 3. - С. 42-5
17. Лыскова Н. А. Семантика падежа в обско-угорских языках. - СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. - 247 с.
18. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. - М.; Вена: Языки русской культуры, 1998. - Т. 2. Ч. 2. - 536 с.
19. Мразек Роман. Синтаксис русского творительного. - Прага: Statní pedagogické nakladatelství v praze, 1964.
20. Мырина Д. Ф. К вопросу теории падежа // Молодой ученый. — 2010. — №12. Т.1. — С. 198-201. — URL <https://moluch.ru/archive/23/2428>
21. Петрушина О.В. Наречия, образованные от имен существительных (По памятникам русского языка XII -XVII вв.). Канд.дисс. - Л., 1953.
22. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - М.: Учпедгиз, 1956.

23. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. - М. Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1958.
24. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. / Сост. В. Ю. Франчук. – М.: Просвещение, 1985. –Т. 19. –Вып. 1. –319 с.
25. Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Российская энциклопедия : Дрофа, 1997. – 703 с
26. Творительный падеж в славянских языках. - М.: Издательство Академия наук СССР, 1956.
27. Филлмор Ч. Дело о падеже. // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1981. – Вып. 10. – С. 369-495.
28. Чейф У. Л. Значение и структура языка. – М.: Прогресс, 1975. – 423 с.
29. Якобсон Р. О. К общему учению о падеже. // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 133-175.
30. Якобсон Роман. К общему учению о падеже. // Избранные труды. - М., 1985,С. 133-175.